

СТИХИ и ПЕСНИ

Сергей
Михалков

Стихи о войне

Стихи и песни

Сергей Михалков

Стихи о войне

«АСТ»

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Михалков С. В.

Стихи о войне / С. В. Михалков — «АСТ», — (Стихи и песни)

ISBN 978-5-17-094143-8

В книгу С. Михалкова «Стихи о войне» включены стихотворения, написанные автором во время войны, в тылу и действующей армии. Они обращены к читателям всех возрастов и социальных групп — солдатам и офицерам, труженикам тыла и угнанным в плен, матерям, женам и детям бойцов... Герой военной лирики С. Михалкова — вставший на защиту Родины народ, объединенный истинным, природным и мощным чувством патриотизма. Именно эта интонация делает книгу такой искренней и проникновенной. Вторая часть книги составлена из малоизвестных лирических стихотворений поэта, созданных в период с 1934 по двухтысячные годы. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-094143-8

© Михалков С. В.

© АСТ

Содержание

«Говорил с бойцом поэт...»	6
Народ богатырский мой	6
Три товарища	7
Горнист (Быль)	8
Я не хочу!	9
Фашист	10
Останови, отбрось и разгроми!	11
Пионерская Посылка	12
Советские бомбардировщики	13
Это – наше!	15
Пилот	16
Истребитель	17
Галина	18
Фронтовые подруги	19
Случай в шкафу	20
Письмо на фронт	21
Письмо с фронта	23
Почетный пассажир	25
Разговор с майором	26
Машина раненых везла...	28
Партизаны (Поэма)	30
Долетался...	35
Мать солдатская (Поэма)	37
Кому сказать спасибо?	44
Под Москвой	45
Фотография	47
Казнь	48
Пусть не дрогнет твоя рука!	49
Командир	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Михалков

Стихи о войне

© Михалков С.В., насл., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Дорогой читатель!

В этой книге собрано то, что было написано мною во время Великой Отечественной войны, когда я был военным писателем-корреспондентом газеты Южного фронта «Во славу Родины», затем – центральной газеты Военно-Воздушных Сил «Сталинский сокол» и других газет.

...Выполняя задания своей редакции в действующей армии, я писал очерки, заметки, политические стихи, подписи под карикатуры, юмористические рассказы.

Мне никогда не забыть морозной ночи на полевом аэродроме, когда я с непередаваемым волнением провожал на боевое задание летчиков Северо-Западного фронта. На борт самолетов грузили пачки листовок. Это были мои стихотворные послания к нашим партизанам, в которых я стремился ободрить и призвать к беспощадной борьбе русских людей на оккупированной территории. Помню заголовки листовок: «Пусть не дрогнет твоя рука!», «Ты победишь!», «Не быть России покоренной!»

Я отчетливо вижу слабости и шероховатости в том, что писалось в далекие военные годы: война, как хорошо знают фронтовики, порой не давала времени на тщательное обдумывание и шлифовку каждой строкфи. Разумеется, можно было бы отредактировать, переработать и даже написать сейчас заново те или иные вещи. Но это был бы уже Михалков «образца 1976 года», а не Михалков военных лет, каким без всякого приглаживания и причесывания я решаюсь предстать перед сегодняшними читателями. В конце концов, военное творчество писателя – не только определенный, очень важный этап в его собственной биографии, но и частичка – пусть самая малая – общей нашей истории. А историю, как известно, не следует ни ухудшать, ни улучшать.

Вошли в книгу и некоторые страницы, написанные на военно-патриотическую тему в последующие годы, вплоть до наших дней... В меру своих сил я старался служить делу Победы, делу мира, работая в самых разнообразных литературных жанрах. Насколько это мне удалось – пусть судит читатель.

Не могу не принести благодарность моему однополчанину по Северо-Западному фронту С.А. Савельеву, который оказал большую помощь в... разыскании моих литературных материалов, затерявшихся на страницах военных газет уже более чем тридцатилетней давности.

Автор

1976

«Говорил с бойцом поэт...»

Народ богатырский мой

Отчизной мобилизован
Народ богатырский мой.
Не дай облакам грозovým
Сомкнуться над головой!

Товарищ, где бы ты ни был —
И в городе, и в селе, —
Зорче следи за небом,
Оглядывайся на земле!

И если враги на границе
Займут твои города —
Сожги и нефть и пшеницу
И угони поезда.

Мосты подорви и склады,
Врагов огнем ослепи,
В ряды партизанских отрядов
С винтовкой в руках вступи!

Мы встанем врагу на дороге
И не дадим вздохнуть.
Мы можем пожертвовать многим,
Чтоб все обратно вернуть!

Отчизной мобилизован
Народ богатырский мой.
Не дай облакам грозovým
Сомкнуться над головой!

1941

Три товарища

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн.
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен.

Стали допрашивать первого.
Долго пытали его —
Умер товарищ замученный
И не сказал ничего.

Стали второго допрашивать,
Пыток не вынес второй —
Умер, ни слова не вымолвив,
Как настоящий герой.

Третий товарищ не вытерпел,
Третий – язык развязал:
«Не о чем нам разговаривать!» —
Он перед смертью сказал.

Их закопали за городом,
Возле разрушенных стен.
Вот как погибли товарищи
В маленьком городе Эн.

1937

Горнист (Быль)

Случилось это в дни войны за Доном
С одним кавалерийским эскадром...
По нашим конникам враги огонь вели.
Вдруг близкий взрыв! И кони понесли —
Теснят друг друга, не сдержат лавины:
И храп, и крик, и в мыльной пене спины,
И всадникам уже не до огня,
И дым, и пыль, и ночь средь бела дня...
Кавалеристы видят: дело худо —
Их развернуло прямо на овраг,
Всему конец...
Но тут случилось чудо:
С карьера кони перешли на шаг —
Пришли в себя...
А получилось так:
Лихой горнист, служивший в эскадроне,
На всем скаку трубу к губам прижал
И «Зорьку» проиграл. И услышали кони
Знакомый, добрый утренний сигнал.
И вновь для них реальность обрели
Трава и ветер, запахи земли,
И дальнее село, и ближний бой,
И тот горнист с серебряной трубой...

1941

Я не хочу!

Я не хочу, чтоб все, что было свято
И предками для нас сохранено,
Вдруг оказалось взорвано и смято
И на кострах фашистских сожжено.

Я не хочу, чтоб хлеб моих колхозов,
Мной собранный, немецкий барин ел.
Чтоб день и ночь в немецких паровозах
Добытый мною уголь мой горел.

Чтоб к нефти моего Азербайджана
Нефтепровод немецкий провели,
И набивали золотом карманы
Германские тузы и короли.

Я не хочу, чтоб маленького сына,
Единственного сына моего,
Какой-нибудь помещик из Берлина
В моей России вдруг лишил всего.

Чтоб мальчик мой, как я, такой же русский,
Рос, русского не зная языка,
Под палкою рабовладельцев прусских,
Приехавших в мой Псков издалека.

Вот почему на Волге, на Кубани
С оружием, преграждая путь врагу,
До моего последнего дыханья
Я буду драться так, как я могу!

Я буду бить врага везде, повсюду,
Честь воина в боях не посрамлю!
Бесстрашным буду! Беспощадным буду!
Остановлю врага и разгромлю!

1941

Фашист

Он в села входит,
Как чума,
Как смерть сама,
Как мор.
Как зверь, врывается в дома,
И сходят девушки с ума,
Не в силах смыть позор.
Он вырывает языки,
Пытая стариков.
Он хочет всех зажать в тиски
И всем до гробовой доски
Надеть ярмо оков.
Нет! Нет! Вовеки не бывать
Хозяином ему.
Он может жечь и убивать,
Душить людей в дыму, —
Но никогда такой народ,
Как русский наш народ,
Не упадет, и не умрет,
И в рабство не пойдет!
Мы отомстим за каждый дом,
Который он поджег.
Мы, как один, клянемся в том,
Что близок мести срок.
Не может ворон быть орлом
И выше всех летать,
Не может он своим крылом
До наших звезд достать!
Не может черная змея
Обвить страну мою!
Штык занеси, страна моя,
И приколи змею!

1941

Останови, отбрось и разгроми!

Горит Кубань, Майкоп в ночи пылает,
Защиты просят женщины с детьми,
Тебя, боец, Отчизна призывает:
Останови врага!
Отбрось
И разгроми!

Не отступи, боец, на поле боя,
Изменника позором заклеями.
За счастье Родины плати ценой любой,
Останови врага,
Отбрось
И разгроми!

Чтоб в черный день на барщине немецкой
Не били нас позорными плетьюми,
Чтоб не глумился враг над жизнью детской,
Останови врага,
Отбрось
И разгроми!

Где б ни был ты, в горах ли на Кавказе,
В лесах Валдая ли, – с врагами бой прими.
Не дай в свой дом чумной войти заразе,
Останови врага,
Отбрось
И разгроми!

1941

Пионерская Посылка

Две нательные фуфайки,
На портянки – серой байки,
Чтоб ногам стоять в тепле
На снегу и на земле.

Меховые рукавицы,
Чтоб не страшен был мороз.
Чтоб с друзьями поделиться —
Десять пачек папирос.

Чтобы тело чисто было
После долгого пути,
Два куска простого мыла —
Лучше мыла не найти!

Земляничное варенье
Своего приготовления, —
Наварили мы его,
Будто знали для кого!

Все, что нужно для бритья,
Если бритва есть своя.
Было б время да вода —
Будешь выбритым всегда.

Нитки, ножницы, иголка —
Если что-нибудь порвешь,
Сядешь где-нибудь под елкой
И спокойно все зашьешь.

Острый ножик перочинный —
Колбасу и сало режь!
Банка каши со свиной —
Открывай ее и ешь!

Все завязано, зашито,
Крышка к ящику прибита —
Дело близится к концу.
Отправляется посылка,
Очень важная посылка,
Пионерская посылка
Неизвестному бойцу!

1941

Советские бомбардировщики

Посвящается летчикам части майора Кузнецова

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Плывут, в облаках исчезая,
Воздушные те корабли.

И с курса они не собьются,
И к цели они долетят.
Радисты-стрелки неустанно
За воздухом синим следят.

Пшеница внизу колосится,
Пылят по дорогам стада.
Как тонкие ниточки, вьются
Идущие в тыл поезда.

Девятка летит над садами,
В пути не встречая преград.
Тяжелые авиабомбы
Под крыльями в люках висят.

Плывут они, крылья раскинув,
В разливе воздушной струи.
И дети им смотрят вдогонку,
И матери шепчут: «Свои!»

Свои самолеты! И людям
Становится сразу легко.
Свои! Это значит – родные
Заплавский, Демидов, Янко.

* * *

«В планшете на штурманской карте...»
В планшете на штурманской карте
Отмечена эта река.
Вот здесь у врагов переправа,
Сюда они гонят войска.

Саперы наводят понтоны,
Форсируют реку полки,
Вползают германские танки

На берег советской реки.

Вперед же, к намеченной цели!
Уже переправа видна,
Уже разделилась девятка
На три боевых звена.

Во имя родимого края,
Во имя погибших бойцов
На цель в боевом развороте
Заходит майор Кузнецов.

По цели! По цели! По цели!
И кони встают на дыбы.
И там, где взрываются бомбы,
Растут водяные столбы.

По цели! И вновь закипает
Вода у крутых берегов —
То Кравченко, сокол отважный,
Как смерч, налетел на врагов.

Бросаются в воду фашисты,
Но только спастись не легко,
Когда над водой пролетают
Заплавский, Демидов, Янко.

* * *

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Свои корабли боевые
Герои домой привели.

Летели они над садами,
Из мест, где гремели бои,
И люди внизу говорили:
«Летят самолеты! Свои!»

1941

Это – наше!

Посмотри по сторонам:
Это – наше!
Это – нам!

Все поля, леса и горы
Шахты, верфи, рудники,
Эти горные озера,
Ключевые родники,
Эти села и аулы,
Кишлаки и города,
Нефть Баку, оружие Тулы
И уральская руда,
Астраханские баркасы,
Украинское зерно,
Уголь нашего Донбасса,
Крыма нашего вино,
Ленинградские заводы,
Что гремят на всю страну,
Кони редкостной породы
Из колхозов на Дону,
Стаи грозных эскадрилий
Бомбовозов, «ястребков» —
Те, что бьют, и те, что били,
Те, что будут бить врагов!
Эти крепости стальные
На воде и на земле,
Эти самые родные
Наши звезды на Кремле!
Всем владеем мы навечно.
Никому не отдадим.
Разобьем врагов, конечно,
И, конечно, победим!

1941

Пилот

Сто раз корабль взлетал и приземлялся,
Многомоторен и тяжелокрыл.
Пилот всегда при этом волновался,
Хоть никому о том не говорил.

Суров закон земного притяженья,
И не легко его преодолеть.
Без мужества,
без риска и уменья —
Не приземлиться,
как и не взлететь.

1941

Истребитель

Это кто на первой койке,
Утомленный боем, спит?
Это спит военный летчик,
Сбивший пятый «мессершмитт»!

Он сегодня под Москвой
Показал в ночном бою
Ловкость, мужество и волю
Соколиную свою.

Он врага достойно встретил —
Сбил с полуночных небес
На застывший и притихший
Подмосковный снежный лес.

Это был по счету пятый,
Сбитый в схватке боевой,
Пятый ворон, черный ворон,
Погоревший под Москвой.

Не шумите в общежитье.
Пусть, как дома, в тишине
Русский летчик-истребитель
Улыбается во сне.

Пусть поспит еще немного,
Ну хотя бы полчаса.
Он проснется, выйдет в поле,
Поглядит на небеса.

Боевой приказ получит,
Руку техника пожмет
И шестого «мессершмитта»
После пятого собьет.

1941

Галина

Кто не слышал о Галине?
Слух летит во все концы.
Повторяют это имя
Командиры и бойцы.

В ротах, взводах, эскадронах
О Галине говорят:
– Где Галина, там – малина!
Там фашисты не бомбят!

Взглянет на небо Галина,
Будто громом прогремит, —
«Мессер», в сердце пораженный,
С неба падает, дымит.

Все любят Галиной:
– Что б мы делали без вас?
Ах, какой у вас, Галина,
Распрекрасный, точный глаз!

Вы и впредь при всем народе
Проявляйте свой талант!

* * *

Оказалось, что Галина —
Не какая-то дивчина,
А известный всем мужчина —
Наш зенитчик-лейтенант.

1941

Фронтовые подруги

Давно в бою расчеты огневые.
Гудит земля, встревожена войной.
Идут на фронт подруги боевые,
И позади остался дом родной.

Полки врагов нарушили границы,
И над страной кружится воронье.
Мы как один должны сейчас сплотиться
И отстоять Отечество свое.

Родная армия послала за тобою
И назвала военной сестрой.
Спешите, девушки:
На грозном поле боя
Красноармеец ранен молодой.

Над ним летят испуганные птицы,
Он слышит грохот наших батарей,
Ты подползи, и дай ему напиться,
И в ближний тыл доставь его скорей.

Он не жалел ни крови и ни жизни,
Не отступал под натиском свинца.
И ты должна вернуть его Отчизне:
Как сына – матери, как армии – бойца.

Склонись над ним, ночей недосыпая.
Его тебе доверил твой народ.
И сделай все, подруга фронтовая,
Чтоб в строй бойцов вернулся патриот.

Родная армия послала за тобою
И назвала военной сестрой.
Спешите, девушки:
На грозном поле боя
Красноармеец ранен молодой.

1941

Случай в шкафу

Раз к женским платьям в шкаф
попал комбинезон.
Понятно, что туда попал случайно он, —
Ему висеть не там положено по штату,
Но делать нечего, рука ошиблась чья-то...
Подняли платья шум. И все друг другу в тон:
«Комбинезон?! Убрать сейчас же вон!
Бензином пахнет он.
Смотреть нам неприятно
На эти масляные пятна.
Мы – крепдешин,
мы – креп-жоржет, вельвет,
Мы пахнем дорогим одеколоном.
Мы – не мужской, мы – женский туалет.
Что общего у нас с комбинезоном?
Кто смел его повесить среди нас?!
Ох, жаль, хозяйки нет, она бы показала,
Она бы выбросила вас —
вас, грубоотканого нахала!»
Комбинезон сказал: «Могу ответить вам...»
Но тут открылась шкафа дверца,
И если бы у платьев было сердце,
Оно бы лопнуло по швам.
Хозяйкина рука комбинезон взяла,
И слышно было всем: «Так вот он где! Нашла!
Я целый час ищу, весь перерыла дом.
А он висит в шкафу! Как притаился ловко!
Рабочий мой костюм! Любимая спецовка!
Идем на наш аэродром!»
Все дело было в том, что с первых дней войны
Простая девушка – Казанцева Людмила,
Как сотни тысяч девушек страны,
Мужчин, на фронт ушедших, заменила.

1941

Письмо на фронт

Сынок родной!
По радио узнали,
Что ты здоров и крепко бьешь врагов.
Соседи заходили, поздравляли,
Все говорят: – Ванюшка-то каков!

Вот это, говорят, действительно геройство:
Трех гадов заколоть, а двух живьем поймать!
А мне, признаться, только беспокойство,
Да что поделаешь: на то ведь я и мать.

Все думаю и сердцем все болею
По материнской слабости своей...
Ты береги себя, но бей злодея!
Как мать прошу: врага покрепче бей!

Отец, как все. Вчера пришел с работы,
Прочел газету, стукнул кулаком.
– Эх, говорит, и мне на фронт охота.
Пойти бы тоже следом за сынком.

Я, говорит, на немца зуб имею.
За две войны немало их побил.
А бить по ним я и в очко сумею,
Я трехлинейную еще не позабыл!..

Вчера у нас Катюша ночевала.
Хлеб убирают. Скоро молотьба.
Такой пшеницы – сроду не бывало!
Богатые, хорошие хлеба.

Катюша-то в колхозе заправилой —
Степан Петров ушел служить на флот.
Она его в бригаде заменила,
Командует теперь на полный ход.

– Мы, говорит, такие строим планы:
Сдать государству урожай сполна
И если что... всем вместе в партизаны, —
Бить Гитлера. Пусть сдохнет, сатана!..

Марусю не узнать. Шинель надела
И санитаркой в госпиталь пошла.
А я не против, раз такое дело —
Сестрой и я в гражданскую была.

Белье стирала, раны бинтовала.
Кладу повязку, а сама в слезах.
Дежурила, ночей недосыпала,
И оживали люди на глазах.

Сынок родной! За Родину сражайся!
Не трусь в бою! Не забывай писать!
И поскорей с победой возвращайся!
От всех привет.
Целую крепко.
Мать.

1941

Письмо с фронта

Родная мать!
Твое письмо простое
Мне принесли вчера, но лишь сейчас
На берегу речушки, после боя,
Его прочесть сумел я в первый раз.

И я тобой горжусь, моя родная,
Твой гнев к врагам мне хорошо знаком.
Вы там – в тылу, а я на фронте знаю,
За что дерусь гранатой и штыком.

В полях колхозных золотому житу
Под сапоги фашистские не лечь.
Сожжем зерно! Но не дадим бандиту
Из нашей ржи хлебов себе напечь.

Ты обо мне по радио слыхала
И думала: храбрец – Ванюшка твой.
А ведь таких, как я, у нас немало.
Здесь что ни час, то подвиг боевой.

И нету в том особого геройства,
Что сделал я, ведя свой первый бой.
Здесь все бойцы одно имеют свойство:
И побеждать, и жертвовать собой.

Наш командир – любимец нашей роты,
Наш политрук от нас неотделим.
Во всех делах видна его забота,
В огонь и в воду мы пойдём за ним!

И обо мне, прошу тебя, мамаша,
Ты не болей ни сердцем, ни душой.
Вернусь домой в семью большую нашу —
На весь колхоз закатим пир горой.

Приеду я с ребятами своими,
Прошедшими сквозь дым и шквал огня,
Ты познакомишься с орлами боевыми
И ты их примешь так же, как меня.

Спасибо за письмо, за нежность и за ласку.
Послание свое заканчивать спешу.
Идет обстрел. Надеть придется каску,
А я на ней ответ тебе пишу.

Не знаю срока, скоро ли приеду,
Но день придет, мы разобьем врагов!
И с фронта к вам я привезу победу.
Привет родным.
Ваш сын Иван Рябков.

1941

Почетный пассажир

В армейской шинели,
В армейской ушанке,
Вагона он ждет
На трамвайной стоянке.

Он входит с передней
Площадки трамвая,
На правую ногу
Немного хромая.

Таких пассажиров
В трамвае немного,
И люди ему
Уступают дорогу.

Таким пассажирам
В таком положенье
Повсюду – вниманье,
Везде – уваженье!

Сидит он в вагоне
На лучшем из мест,
Кондуктор с него
Не берет за проезд.

Он орден имеет
Под серой шинелью,
Он ранен под Клином
Немецкой шрапнелью.

Бесстрашный участник
Большого сраженья,
Он вывел товарищей
Из окруженья.

Боец-пулеметчик
Стрелкового взвода,
Большое спасибо
Тебе от народа!

1941

Разговор с майором

Он вытирает пот со лба
И говорит, седой от пыли:
– Да, в эту ночь была стрельба!
Да, крепко немца мы побили!

Нас окружить пытался враг,
Но ведь и мы не льком шиты!
Как затянули их в овраг,
Так и не выбрались бандиты.

А кто остался от полка,
Тот – руки кверху. Эх, вояки!
Боятся русского штыка,
Не любят штыковой атаки!

Мои бойцы, как на подбор,
Все казаки. Все больше с Дона.
К примеру – Лапушкин Егор,
Боец второго эскадрона.

Он так рубил своим клинком,
Что только головы летели.
А я-то с рубкою знаком
И разбираюсь в этом деле!

А есть такие молодцы,
Что и в седле-то меньше году,
Но в бой идут, как храбрецы,
Скажи – пойдут в огонь и в воду.

Нам не забыть политрука
Петра Денисыча Рябкова.
Он – знамя нашего полка,
Не скажешь ничего другого!

...Вот расспросить бы вам о нем —
Его в полку у нас любили.
А вы бы уж в стихах потом
Рассказ бойцов изобразили! —

И поднялся майор с пенька
И отряхнул полы шинели...
А в синем небе облака
Все так же плыли и летели.

1941

Машина раненых везла...

Машина раненых везла.
Дорога трудная была,
Обстреляна не раз.
Шофер Миляев это знал,
Недаром военврач сказал:
– Езжайте... В добрый час!

В кабине лучше быть вдвоем:
Шофер Миляев за рулем,
А рядом – Данильчук.
Сидят рядком и говорят
Про то, про се, про медсанбат
И смотрят, что вокруг.

Кто за рулем не первый год,
Тот санмашину не тряхнет,
Когда везет больных.
Шофер Миляев не забыл,
Что должен он доставить в тыл
Товарищей своих.

И все бы было ничего,
Когда б шофера самого
Не ранило в пути.
Коварный враг стрелял хитро —
Попал водителю в бедро.
Машину как вести?

И быстро выключив мотор,
Баранку выпустил шофер
Из ослабевших рук,
Нажал ногою на стартер,
Завел мотор второй шофер
Товарищ Данильчук.
Строчит фашистский пулемет:
То враг по санмашине бьет,
Берет в свинцовый круг.

Один, в открытом поле, днем,
Ведет машину под огнем
Отважный Данильчук.
Кипящую, как самовар,
Довел машину санитар
До места по шоссе
И так начальнику сказал:

«Шофера я перевязал.
Больные – живы все».

1941

Партизаны (Поэма)

За лесами, за садами,
За колхозными прудами
Жил в селе на сто дворов,
Из того же места родом,
Уважаемый народом,
Молодой Ефим Бобров,
Сын простого кузнеца,
Сам кузнец – и весь в отца.
Он хоть был годами молод,
В руки взял отцовский молот,
Начал угли раздувать,
На селе коней ковать...
Время шло. Коней ковали,
Иногда в Москве бывали,
Жил в довольствии колхоз,
На глазах у граждан рос.
Все-то есть. Во всем достаток:
Сто семнадцать свиноматок,
Огородов триста га.
А посевы! А луга!
В сенокос трава по пояс.
Можно жить, не беспокоясь:
Есть хлеба и есть корма —
Заворачивай, зима!
Так и жили дни за днями.
От района дали знамя.
Дескать, вы теперь в почете,
Дескать, видно по работе —
Всем другим в пример она.
Простояло знамя это
В помещенье сельсовета
Всю весну. И вдруг... война!
То гудит не ветер грозный —
Поднимается колхозник
Защищать свою страну,
Край любимый, край богатый,
Лес, поля, родные хаты,
Ребятишек и жену.
Лютый враг нагрянул вором
С пулеметным разговором,
С черной бомбой и с ножом,
И с поджогом-грабежом.
И в колхозе «Власть Советов»,
Как услышали про это,
Все явились в сельсовет:

«Есть повестки или нет?»
Вот расселись по подводам
И прощаются с народом
Земляки-призывники.
К ним приходят старики:
– Дескать, мы в боях бывали,
Было дело – воевали,
Били немца в грудь и в зад
Двадцать пять годов назад.
Паренек развел гармошку:
В путь – далекую дорожку
Провожают. Ничего!
На войне не без того!
Девки плачут и смеются:
– Не забудьте к нам вернуться!
– Вы не плачьте. Ничего!
На войне не без того!
Был бы жив кузнец Данила
(Если б это раньше было),
Он бы тоже провожал,
Речь на площади держал.
Он сказал бы: «Вот, ребята,
Руки старого солдата!
Пригодятся. Ничего!
На войне не без того!»
Вот и тронулись подводы
Вдоль садов и огородов,
Мимо отчего крыльца.
Речка, кузни... Мимо, мимо...
Не призвали лишь Ефима —
Молодого кузнеца.
Ростом крепок и здоров
Был кузнец Ефим Бобров,
Но еще не вышел годом.
И, стыдясь перед народом,
Он остался у плетня,
Стал доковывать коня.
И, вбивая гвоздь в подкову,
Он сказал: «Неужто мне,
Мне, колхознику Боброву,
Нет места на войне?»
За полями, за садами,
За ручьями и прудами,
По лесам, в краю болот
Днем и ночью бой идет.
То не молния сверкает
И деревья рассекает —
То снаряд шестидюймовый
Рассекает ствол сосновый

То не ветер листья рвет,
А станковый пулемет.
Жаркий бой. С врагами схватка.
Всем приходится не сладко.
Ворог кровь рекою льет.
Офицер пощады просит,
Но боец приклад заносит
И врага наотмашь бьет.
Сторона кругом лесная.
Кто идет, тропы не зная,
Тот в краю лесных болот
Между кочек пропадет.
Бурелом повсюду, ельник,
Да столетний можжевельник,
Да могучие стволы
Со слезинками смолы.
Только тот, кто с малолетства
Жил от леса по соседству,
В том лесу и лыко драл,
И малину собирал, —
Только тот заходит в чащи,
Кто хозяин настоящий.
Так вошел Ефим Бобров —
Партизан вооруженный
И друзьями окруженный,
В темной зелени шатров.
Был бы жив Бобров Данила,
Он сказал бы: «Наша сила!
Наша правда! Наша власть!
Бьет сегодня наша масть!
Нас не сломишь – мы упрямы.
Ройте, люди, волчьи ямы!
Ставь капканы на пути,
Где задумал враг пройти!
Чтоб ему в тисках метаться,
Чтобы некуда податься,
Бей врага из-за угла,
И в селе, и у села.
Бей врага в лицо и в спину,
Нет ружья – возьми дубину!
Чтоб навек запомнил гад
Партизанский наш отряд!»
Так сказал бы дед Данила
(Если б это раньше было).
Так сказал орлам своим
Партизан Бобров Ефим.
Сын простого кузнеца,
Сам кузнец – и весь в отца.

В чистом поле, по дубравам,
Под огнем в бою кровавом
Много фрицев полегло...
Ночь прошла. На поле боя
Смотрит небо голубое,
И безмолвно за рекою
Украинское село.
Фрицы заняли его.
На войне не без того...
Все теперь вокруг дымится.
Рожь, ячмень, овес, пшеница —
Хлеб горит четыре дня,
Затушить нельзя огня.
Из колхозного колодца
Пить фашистам не придется:
Из него ушла вода,
И неведомо куда.
Хоть бы пес с цепи сорвался,
Хоть бы кто-то отозвался,
Хоть бы выглянул в окошко,
Хоть бы выбежала кошка.
Фрицы заняли село,
А живое все ушло.
В помещенье сельсовета
Ни плаката, ни портрета,
Ветер серую золу
Раздувает на полу...
Был зажиточным колхоз —
На конях добро увез.
Фрицу брюхо подвело —
Худо встретило село.
А к тому же нет покоя —
То одно, а то другое:
Здесь разбили весь обоз,
Там убили генерала,
Там напали на капрала,
Еле ноги тот унес.
Мост взорвали. Штаб сожгли...
И виновных не нашли...
Рельсы ночью развели,
А виновных не нашли...
Только битые вагоны,
Обгоревшие патроны
Да немецкий паровоз
Без поршней и без колес.
Гнали фрицы три цистерны.
Танки ждали их, наверно,
Без горючего не шли.
Только дело вышло скверно:

В часть не прибыли цистерны,
А виновных не нашли.

Украина золотая!
Белоруссия родная!
Вы в своих лесах дремучих
Укрывайте самых лучших
Сыновей и дочерей —
Верных Родине любимой,
Вроде нашего Ефима,
Партизан-богатырей!
И победы час настанет:
Ворог ляжет и не встанет,
И войне конец придет.
И народ земли родимой
Черный прах орды звериной
По дорогам разметет!

1941

Долетался...

Он два железные креста
Носил и «асом» был.
Он спящих граждан по ночам
В Испании бомбил.

Он на рассвете вылетал
На утренний Париж,
И бомбы падали с небес
На гребни мирных крыш.

Он сеял смерть, он выжигал
Людей и города,
Но безнаказанно домой
Он прилетал всегда.

И Гитлер говорил «зер гут»
О вылетах его
И ставил остальным в пример
Бандита своего.

Ни разу не был ранен он
Ни за одну войну,
И вдруг лететь пришел приказ
В Советскую страну.

Он бомбы взял и взял с собой
Горючего запас,
Взял старт и... страшно тут ему
Вдруг стало в первый раз.

Простой советский паренек
В то время не дремал.
Он как пять пальцев на руках
Свою зенитку знал.

Когда фашистский самолет
Нырнул сквозь облака,
Красноармейская шрапнель
Впилась ему в бока.

Он захлебнулся весь в дыму
И в штопор вдруг вошел,
Упал на русской стороне
И смерть свою нашел.

А тот зенитчик молодой,
Советский паренек,
Сказал расчету своему:
– Хороший был денек!

Летел, как коршун, мимо нас,
Да сняли мы его.
Знать, петушиное крыло
У коршуна того.
Пусть прилетит еще бандит, —
Он точно так же будет сбит!

1941

Мать солдатская (Поэма)

По большаку, правее полустанка,
Идти пять верст – деревня Хуторянка.
Спервоначалу были хутора,
Да разрослись. И стали год за годом
Дружнее жить, богаче быть народом —
Деревней стали. Сорок два двора.

Вокруг луга – есть чем кормить скотину,
Густы леса – орешник да малина.
Всего хватает: и грибов, и дров.
Сойдешь под горку, тут тебе речушка,
А там, глядишь, другая деревушка,
Но в той уже поменее дворов...

Живет народ, других не обижая,
От урожая и до урожая,
От снега до засушливой поры.
И у соседей хлебушка не просит.
И в пору сеет. В пору сенокосит.
Коней кует. И точит топоры.

И землю под озимые боронит,
Гуляет свадьбы, стариков хоронит
И песни молодежные поет,
Читает вслух газетные страницы...
За тридевять земель Москва – столица,
И дальний поезд до нее везет...

В родной деревне, третья хата с краю,
Другой судьбы себе не выбирая,
Полвека честной жизни прожила
Хохлова Груша. В тихой Хуторянке
Прошла в труде крестьянском
жизнь крестьянки,
И не заметишь, как она прошла.

Здесь в девках бегала, здесь в хороводах пела,
Здесь на гулянках парня присмотрела,
Вошла к нему хозяйкой в бедный дом.
Здесь называлась Грушею-солдаткой,
Здесь тосковала, плакала украдкой,
Здесь вынянчила четверых с трудом.

Она порой сама недоедала,
Чтоб только детям досыта хватало,

Чтоб сытыми вставали от стола.
Она с утра к соседям уходила,
Белье стирала и полы скоблила —
В чужих домах поденщину брала.

Она порой сама недосыпала,
Ложилась поздно и чуть свет вставала,
Чтоб только четверым хватало сна.
И выросли хорошие ребята,
И стала им тесна родная хата,
И узок двор, и улица тесна.

Последнего она благословила,
Домой пришла, на скобку дверь закрыла,
Не раздеваясь, села в уголок.
Стучали к ней – она не открывала,
До поздней ночи молча горевала —
Все плакала, прижав к лицу платок.

Она с людьми тоской не поделилась.
Никто не видел, как она молилась
За четверых крестьянских сыновей,
Которых не вернуть теперь до дому,
Которым жить на свете по-иному —
Не в Хуторянке, а в России всей...

...Она хранила у себя в комод
Из Ленинграда письма от Володи,
Из Сталинграда письма от Ильи,
Одесские открытки от Андрея
И весточки от Гриши с батареи
Из Севастополя. От всей семьи.

В июньский полдень, в тесном сельсовете,
По радио – еще не по газете, —
Когда она услышала: «Война»! —
Как будто бы по сердцу полоснули,
Как села, так и замерла на стуле, —
О сыновьях подумала она.

Пришла домой. Тиха пустая хата.
Наседка квохчет, просят есть цыплята,
Стучит в стекло – не вырвется – пчела.
Четыре мальчика! Четыре сына!
И в этот день еще одна морщина
У добрых материнских глаз легла.

...Косили хлеб. Она снопы вязала
Без устали. Ей все казалось мало!

Быстрее надо! Жаль, не те года!
И солнце жгло, и спину ей ломило,
И мать-крестьянка людям говорила:
«Там – сыновья. И хлеб идет туда».

А сыновья писали реже, реже,
Но штемпеля на письмах были те же:
Одесса, Севастополь, Сталинград
И Ленинград, где старший сын Володя,
Работая на Кировском заводе,
Варил ежи для нарвских баррикад.

Когда подолгу почты не бывало,
Мать старые конверты доставала,
Читала письма, и мечталось ей:
Нет на земле честнее и храбрее,
Нет на земле сильнее и добрее
Взращенных ею молодых парней.

Тревожные в газетах сводки были,
И люди об Одессе говорили,
Как говорят о самом дорогом.
Старушка мать – она за всем следила —
Шептала ночью: «Где же наша сила,
Чтоб мы могли расправиться с врагом?»

О, как она бессонными ночами
Хотела повидаться с сыновьями,
Пусть хоть разок, пусть, провожая в бой,
Сказать бойцу напутственное слово.
Она ведь ко всему теперь готова —
К любой беде и горести любой.

Но не могло ее воображенье
Представить город в грозном окруженье,
Фашистских танков черные ряды,
К чужой броне в крови прилипший колос,
Не слышала она Андрея голос:
«Я ранен... мама... пить... воды... воды».

Пришел конверт. Еще не открывала,
А сердце матери уже как будто знало...
В углу листка – армейская печать...
Настанет день, Одесса будет наша,
Но прежних строчек:
«Добрый день, мамаша!» —
Ей никогда уже не получать...

...Глаза устали плакать – стали суше,

Со временем тоска и горе глуше.
Дров запасла – настали холода.
Шаль распустила – варежки связала.
Потом вторые, третьи... Мало, мало!
Побольше бы! Они нужны – туда!

Все не было письма из Ленинграда.
И вдруг она услышала: «Блокада».
Тревожно побежала в сельсовет,
Секретаря знакомого спросила.
Тот пояснил... Опять душа заныла,
Что от Володи писем нет и нет.

Пекла ли хлеб, варила ли картошку,
Все думала: «Послать бы хоть немножко,
За тыщу верст сама бы понесла!»
И стыли щи, не тронутые за день.
Вся в думах о голодном Ленинграде,
Старуха мать обедать не могла.

Она была и днем и ночью с теми,
Кто день и ночь, всегда, в любое время
Работал, защищая Ленинград,
И выполнял военные задания
Ценой бессонницы, недоедания —
Любой ценой, как люди говорят...

...Опять скворцы в скоречни прилетели,
И ожил лес под солнышком апреля,
И зашумели вербы у реки...
Из Севастополя прислал письмо Григорий:
«Воюем, мать, на суше – не на море.
Вот как у нас дерутся моряки!»

Она письмо от строчки и до строчки
Пять раз прочла, потом к соседской дочке
Зашла и попросила почитать.
Хоть сотню раз могла она прослушать,
Что пишет сын про море, и про сушу,
И про свое уменье воевать.
И вдруг за ней пришли из сельсовета.
В руках у председателя газета:
– Смотри-ка, мать, на снимок. Узнаешь? —
Взглянула только: «Сердце, бейся тише!
Он! Родненький! Недаром снился! Гриша!
Ну до чего стал на отца похож!»

Собрали митинг. Вызвали на сцену
Героя мать Хохлову Аграфену.

Она к столу сторонкой подошла
И наклонилась. А когда сказали,
Что Гришеньке Звезду Героя дали, —
Заплакала. Что мать сказать могла?..

...Шла с ведрами однажды от колодца,
Подходит к дому – видит краснофлотца.
Дух захватило: Гриша у крыльца!
Подходит ближе, видит: нет, не Гриша —
В плечах поуже, ростом чуть повыше
И рыженький, веснушчатый с лица.

– Вы будете Хохлова Аграфена? —
И трубочку похлопал о колено.
– Я самая! Входи, сынок, сюда! —
Помог в сенях поднять на лавку ведро,
Сам смотри так улыбчиво и бодро —
Так к матери не входят, коль беда.

А мать стоит, глядит на краснофлотца,
Самой спросить – язык не повернется,
Зачем и с чем заехал к ней моряк.
Сел краснофлотец: – Стало быть, мамаша,
Здесь ваша жизнь и все хозяйство ваше!
Как управляетесь одна? Живете как?

Мне командир такое дал задание:
Заехать к вам и оказать вниманье,
А если что – помочь без лишних слов.
– Ты не томи, сынок! Откуда, милый?
И кто послал-то, господи помилуй?
– Герой Союза старшина Хохлов!

Как вымолвил, так с плеч гора свалилась
Поправила платок, засуетилась:
– Такой-то гость! Да что же я сию?
Вот горе-то! Живем не так богато —
В деревне нынче с водкой плоховато,
Чем угостить, ума не приложу!

Пьет краснофлотец чай за чашкой чашку,
Распарился, хоть впору снять тельняшку,
И, вспоминая жаркие деньки,
Рассказывает складно и толково.
И мать в рассказ свое вставляет слово:
– Вот как у нас дерутся моряки!

– Нас никакая сила не сломила.
Не описать, как людям трудно было,

А все дрались – посмотрим, кто – кого!
К самим себе не знали мы пощады,
И Севастополь был таким, как надо.
Пришел приказ – оставили его...

– А Гриша где? – Теперь под Сталинградом.
В морской пехоте. – Значит, с братом рядом?
Там у меня еще сынок, Илья.
Тот в летчиках, он у меня крылатый.
Один – рабочий, три ушли в солдаты. —
Моряк в ответ: – Нормальная семья!

Она его накрыла одеялом,
Она ему тельняшку постирала,
Она ему лепешек напекла,
Крючок ослабший намертво пришила,
И за ворота утром проводила,
И у ворот, как сына, обняла...

...В правлении колхоза на рассвете
Толпились люди. Маленькие дети
У матерей кричали на руках.
Ребята, что постарше, не шумели,
Держась поближе к матерям, сидели
На сундучках, узлах и узелках...

Они доехали. А многие убиты —
По беженцам стреляли «мессершмитты»,
И «юнкеры» бомбили поезда.
Они в пути тяжелом были долго,
За их спиной еще горела Волга,
Не знавшая такого никогда.

Теперь они в чужом селе, без крова.
Им нужен кров и ласковое слово.
И мать солдатская решила: «Я – одна...
Есть у меня картошка, есть и хата,
Возьму семью, где малые ребята.
У нас у всех одна беда – война».

Ту поднялась одна из многих женщин
С тремя детьми – один другого меньше,
Три мальчика. Один еще грудной.
– Как звать сынка-то? – Как отца, Анисим.
Сам на войне, да нет полгода писем...
– Ну, забирай узлы, пойдем со мной!

И стали жить. И снова, как бывало,
Она пеленки детские стирала,

Опять повисла люлька на крюке...
Все это прожито, все в этой хате было,
Вот так она ребят своих растила,
Тоскуя о солдате мужике.

В большой России, в маленьком селенье,
За сотни верст от фронта, в отдаленье,
Но ближе многих, может быть, к войне,
Седая мать по-своему воюет,
И по ночам о сыновьях тоскует,
И молится за них наедине.

Когда Москва вещает нам: «Вниманье!
В последний час...» – и, затаив дыханье,
Мы слушаем про славные бои
И про героев грозного сраженья, —
Тебя мы вспоминаем с уважением,
Седая мать. То – сыновья твои!

Они идут дорогой наступленья
В измученные немцами селенья,
Они освобождают города
И на руки детишек поднимают;
Как сыновей, их бабы обнимают.
Ты можешь, мать, сынами быть горда!

И если иногда ты заскучаешь,
Что писем вот опять не получаешь,
И загрустишь, и дни начнешь считать,
Душой болеть – опять Илья не пишет,
Молчит Володя, нет вестей от Гриши,
Ты не грусти. Они напишут, мать!

1942
Действующая армия

Кому сказать спасибо?

Привезли бойцам подарки
После боя одного.
Получил боец посылку
И не знает от кого.

Шерстяные рукавицы,
Чтоб не страшен был мороз,
Чтоб с друзьями поделиться —
Пара пачек папирос.

Закурил боец из пачки,
Дал соседям закурить.
Ну, кому сказать спасибо?
Ну, кого благодарить?

Ну, кому хоть в пару строчек
Боевой послать привет?
Развернул боец платочек,
Увидал ее портрет.

Фотография цветная —
Русый локон и берет.
И зовут ее Марусей,
Двадцати, не больше, лет.

Эта девушка Маруся
Шла к почтовому крыльцу
И посылку отправляла
Неизвестному бойцу.

Все соседи по окопу
Посмотрели на портрет:
«Напиши ты ей спасибо
И от нас пошли привет!»

Подтолкнул сосед соседа,
А боец сказал друзьям:
«Победим, в Рязань заеду —
Самолично передам».

1942

Под Москвой

У Фрица – папа офицер,
Он воевал в СССР,
Он в наших селах избы жег
И все, что взять с собой не мог.
Он вешал на столбах людей,
Он грабил взрослых и детей,
И тех, кто гол, и тех, кто бос,
Гнал без пощады на мороз.

Он шел к Москве, бандит и вор,
Фашист, убийца, мародер.

У Вани – папа под Москвой,
Красноармеец рядовой.
Он был колхозным кузнецом,
Пришла война – он стал бойцом.
Он взял винтовку-автомат,
Противогаз и пять гранат,
Пошел на фронт врага встречать,
Москву родную защищать.

Мою Москву, твою Москву,
Где ты живешь, где я живу!

В наш русский подмосковный лес
Фашистский батальон залез.
Крепчал, трещал, скрипел мороз
И разбирали врагов до слез.
Чихая, кашляя, ворча,
Ползла по лесу саранча.
А Фрицин папа впереди
Брел с дамской муфтой на груди.

Он был бы рад уткнуться в снег
И в том снегу заснуть навек.

Но взять Москву – гласил приказ,
Назначил Гитлер день и час
И точный список площадей,
Где вешать наших москвичей.
Но вшивый и голодный сброд
Не мог продвинуться вперед!

Стоял у городских ворот
Советский боевой народ!

И Фрицин папа сдался в плен,
Не увидав кремлевских стен.
Была Москва недалеко,
Но взять Москву не так легко,
Когда стоят и мой, и твой,
И Ванин папа под Москвой!

1942

Фотография

В бумажнике фашистского солдата,
Насильника, бандита, подлеца,
Ее нашли.
Перед расстрелом сняты
Два наших русских раненых бойца.

Минуту смерти гордо презирая,
Они, непобежденные, стоят
На фоне подожженного сарая
Спиной к огню, лицом на аппарат.

А возле них, нацелив автоматы,
Убийство в развлечение превратив,
Позируют фашистские солдаты,
Стараясь не уйти за объектив.

Рука фотолюбителя-убийцы
Не дрогнула, запечатлев момент,
И фотография легла в бумажник фрица,
И снимок превратился в документ.

Возьми его и рассмотри поближе!
Он снят бездушным и тупым врагом,
Снимавшим так в Варшаве, и в Париже,
И в Таганроге нашем дорогом.

Для освещения поджигая хаты,
Задерживая казнь на пять минут,
Своим немецким фотоаппаратом
Он с разных точек щелкал там и тут.

Когда-нибудь в музее преступлений,
В отделе гитлеризма, под стеклом,
Экскурсовод, не в силах скрыть волнения,
Покажет нам объемистый альбом.

И мы увидим на одной странице,
Поблекшую от времени слегка,
Ту фотографию, что мы нашли у фрица —
Фельдфебеля германского полка.

1942

Казнь

Уже – конец.
Уже – петля на шее.
Толпятся палачи, с убийством торопясь.
Но на мгновенье замерли злодеи,
Когда веревка вдруг оборвалась...

И партизан, под виселицей стоя,
Сказал с усмешкой в свой последний час:
– Как и веревка, все у вас гнилое!
Захватчики!
Я презираю вас!..

1942

Пусть не дрогнет твоя рука!

Рвется гитлеровец на Дон,
Хочет он опрокинуть нас,
Хочет выйти на Волгу он
И на солнечный наш Кавказ.

Ты коли его наповал,
Ты гранатой его взрывай,
Ты минируй под ним подвал,
Как увидишь его – стреляй.

И в землянках, и в блиндажах
У дверей его смертью стань,
Ты топи его на морях,
Ты бомби его и тарань.

Чтоб ему над тобой не быть,
Ты ему беспощадно мсти,
Все, чем можно его убить,
Ты в оружие обрати!

Если нет у тебя клинка,
Значит, есть у тебя топор.
Пусть не дрогнет твоя рука,
Совершая над ним приговор.

Если был в руках молоток,
Ты ударь его молотком,
Если был под рукой кипятилок,
Обвари его кипятком.

Если нет у тебя ничего,
Что на врага можно поднять,
Ты руками схвати его,
Чтобы насмерть его обнять.

Не жалея его, не жалея,
Он сестер твоих не жалел,
Он стрелял и в моих детей,
И в твоих, и в кого хотел.

Не щади его, не щади —
Он твоих друзей не щадил,
Он им звезды жег на груди
И на виселицы водил.

Если дашь ты ему в свой дом
Хоть одною вступить ногой —
Он хозяином будет в нем
Ты же будешь его слугой.

Еслипустишь его в свой край —
Снимет все с твоего плеча,
Заберет себе твой урожай
И сожрет его, как саранча.

Истребляй же его в бою,
В небе, на море, на земле,
В партизанском своем краю,
В оккупированном селе.

Враг хитер – будь еще хитрей,
Ты научен уже войной.
Враг силен, только ты сильнее —
Ты стоишь на земле родной!

1942

Командир

Тихо, хлопцы. Он только что лег,
Не поел ничего – притомился.
Чуть вошел, чуть ступил на порог —
И сейчас же на койку свалился.

Мы с ним вместе бывали всегда,
В третьей роте на финской служили.
Да вчера приключилась беда:
Командира враги окружили.

Хорошо, со штыком подоспел,
Заколот окаянного фрица.
Командир, вижу, весел и цел,
Весь в сохранности, как говорится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.